

УДК 314

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ СЕМЬИ: ЭВОЛЮЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

© 2015 г. З. А. Вафина

*Институт демографии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва*

В работе дается анализ представлений исследователей второй половины XIX – начала XX века об эволюции семьи, о ее формах и функциях, а также рассмотрено развитие семейно-брачных отношений на современном этапе в условиях широкого распространения незарегистрированных браков.

Ключевые слова: семья; эволюция семьи; функции семьи; брачность; сожительство; незарегистрированный брак; внебрачная рождаемость; внебрачное материнство.

The article analyses the evolution of the researchers' ideas in the second half of the XIX – beginning of the XX century on the family, its forms and functions. Author also discusses development of family and marriage relations at the present days in the context of unregistered marriages being widely spread.

Key words: family; evolution of the family; functions of the family; nuptiality; cohabitation; unregistered marriage; fertility in cohabitations; non-marital fertility.

На протяжении длительного времени происходили существенные изменения в формах семьи и взаимоотношениях внутри нее. Под воздействием индустриализации и урбанизации произошли коренные изменения в институте семьи: распад родственных связей, нуклеаризация семьи. Начало XXI века в большинстве развитых стран характеризуется либерализацией брачно-семейных отношений, замещением внутрисемейных связей другими социальными связями, ростом внебрачных рождений. Социологи фиксируют процесс размывания поведенческих норм, регулирующих выбор супруга, содержания супружеских и родительских ролей. Этому в значительной мере способствовало включение женщин во все сферы социальной жизни, возрастание их экономической независимости от мужчин, осознание ими неравноправия в супружеских взаимоотношениях на фоне приверженности мужчин устоявшемуся распределению гендерных ролей в частной сфере, прежде всего, в области ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

До 50-х годов XIX века семья рассматривалась как исходная микромодель общества, социальные отношения выводились из семейных, а само общество трактовалось как разросшаяся вширь патриархальная семья. С постепенными переменами в институте семьи (ослаблением поколенческих связей, упадком патриархальности, позже — пренебрежением супружеско-родительскими обязанностями) и развитием интереса к изучению семьи во второй половине XIX века возникает исторический взгляд на семейный строй жизни. Его сторонниками были, например, Л. Г. Морган, Ф. Энгельс, Э. А. Вестермарк.

По представлениям Л. Г. Моргана («Древнее общество») и Ф. Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства») на начальном этапе развития общества господствовал групповой брак (брак между женским поколением одного рода и мужским — другого, когда внутри поколения оба пола могут вступать в интимные отношения с кем угодно, не выходя за рамки брака меж-

ду этими группами), в связи с чем известна была только мать детей, но не их отец. Согласно Моргану, групповой брак имел две исторические формы: кровнородственную (брак между братьями и сестрами двух родов, в котором присутствовали кровосмесительные связи) и пунуальную. Переход к пунуальной семье, обнаруженной им на Гавайских островах, был вызван постепенным исключением родных братьев и сестер из брачных отношений, но образованием связи между несколькими сестрами с мужьями каждой из них или между несколькими братьями с женами каждого. В дальнейшем возникает парный брак — связь мужчины и женщины на определенном сроке, когда и мужчина, и женщина могли иметь другие связи, но именно отношения в данной паре были для обоих основными. На последнем этапе эволюции брачных отношений формируется моногамный брак — пожизненный брак между женщиной и женщиной, исключающий неотрегулированные посторонние связи. Отныне родственная связь (как и наследственная) устанавливается, у большинства народов, по линии отца. С точки зрения Энгельса «господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, — такова была исключительная цель единобрачия» [14, с. 269].

С другой стороны, в работе Вестермарка «История брака» отмечено, что заключение брака у множества народов происходило один раз в год, во время традиционных праздников, посвященных выбору партнера-супруга, на которых происходило беспорядочное половое общение. Так, у санталов «в продолжение шести дней все кандидаты на брак живут в общем конкубинате, после чего предполагается, что женщина нашла себе мужа» [3, с. 56]. В России и многих других европейских странах пережитки такого праздника сохранились в обычаях, связанных с днем Ивана Купалы. Вестермарк замечает, что у многих народов «настоящая брачная жизнь начинается только со времени рождения ребенка» [3, с. 43]. У других, например, живущих на Андаманских островах, существует обычай, по которому «мужчина и женщина остаются вместе до тех пор, пока ребенок будет отнят от груди; в это время они расходятся, и каждый

из них ищет себе нового товарища» [3, с. 101]. Вестермарк утверждает, что существование промискуитета у ряда диких племен не доказывает того, что беспорядочное общение полов господствовало в примитивные времена у всех людей. Наоборот, встречаются народы, у которых половые отношения вне брака редки, так как нецеломудрие со стороны женщины считалось позором и даже преступлением. Автор приводит пример, как «в Тессауа налагается штраф в 100 000 kur-di на отца незаконнорожденного ребенка» [3, с. 117]. Таким образом, мы видим, что издревле рождение внебрачных детей не везде приветствовалось, а высокая сумма показывает редкость таких рождений в некоторых культурах. Много примеров, когда внебрачное рождение каралось: «их нравственность не допускает никакого полового отношения вне брака... Дитя, рожденное вне брака, и его мать убиваются», «у ниа беременная девушка наказывается смертью: не только она сама, но вместе и ее соблазнитель» [3, с. 118–119].

Социолог замечает, что в европейских городах внебрачных рождений вдвое больше, чем в деревнях, «где жители ведут жизнь более согласную с природой». Приводится также соотношение общих коэффициентов брачных и внебрачных рождений: «Во Франции эта пропорция была 15,13:4,24. В Саксонии с ее фабриками, рассеянными по деревням — 15,39:14,64. В Граце и Мюнхене незаконных рождений больше законных». Вестермарк говорит, что «свободные половые отношения до брака — нечто совсем иное, чем беспорядочное половое сношение... в свободном половом отношении есть выбор: женщина отдаст предпочтение одному или нескольким, что и делает отношения более продолжительными» [3, с. 130].

Помимо исторического взгляда на семью, развивались представления об общественных функциях семьи. Так, Э. Дюркгейм считал, что на основе разделения труда между полами возникает так называемая «супружеская солидарность». В те же периоды развития обществ, когда «оба пола были слабо дифференцированы» существовали «материнские» семьи, в которых «отношения между детьми и матерью очень определенны, напротив, отношения между супругами весьма слабы.

Они могут быть прекращены, как только стороны захотят этого, или даже заключаются на определенное время» [8, с. 60].

К. Циммерман полагал, что в будущем значение функций семьи будут уменьшаться вплоть до полного исчезновения брака. С ним был солидарен П. Сорокин, который в 1913 г. в статье «Кризис современной семьи» рассматривает растущий показатель разводов, уменьшение числа заключаемых браков, удовлетворение полового влечения вне брака, рост числа внебрачных детей, аборт, проституции, уменьшение числа детей в браке, эмансипацию женщин, превращение брака в светский институт, передачу государству воспитательных, образовательных и опекунских функций. Он приводит эмпирические доказательства того, что назвал «углубляющимся кризисом» института семьи. Согласно П. Сорокину, кризис будет продолжаться до тех пор, пока семья не станет случайным сожителем мужчины и женщины [6, с. 41–47].

У. Огборн выделил несколько функций в семье: аффективную, экономическую, образовательно-воспитательную, религиозную, досуговую, защитную. Пять из этих функций, кроме аффективной, начинают исполняться за пределами семьи «благодаря» технологическим изобретениям и нововведениям. Поэтому стабильность семьи будет зависеть в большинстве своем от эмоциональных связей между партнерами [19].

Т. Парсонс видел в изменениях семьи середины XX века процесс социальной дифференциации. Он отмечает, что «уменьшается важность всех единиц родства, кроме нуклеарной семьи». Это выражалось в том, что супруги при выборе брачного партнера не ориентируются на согласия или запреты родственников; супружеская семья проживает отдельно от родителей обоих партнеров и экономически не зависит от них; правовая система наследования показывает изолированность семьи. Основные функции семьи перемещаются за ее пределы, передаются другим социальным институтам, сохраняются лишь две важнейшие: первичная социализация детей и эмоциональная стабилизация взрослых членов. По его мнению, происходит новое приспособление, а не постоянная дезорганизация семьи. Несмотря на общность

супружеских ролей, в семье каждый партнер должен выполнять биологически присущую ему функцию: мужчина — инструментальную, связанную с обеспечением своей семьи, женщина — экспрессивную, связанную с воспитанием и поддержанием «домашнего очага». Обе эти функции взаимодополняемы, поэтому такое разделение ролей способствует интеграции членов семьи [21].

Стоит отметить, что взгляды о степени изменения семьи варьируются от утверждения о неизбежности распада семьи как социального института (по К. Циммерману), констатации функционального изменения, дезорганизации семьи (по У. Огборну) до теории реорганизации семьи как нормального процесса (по Т. Парсонсу). Ученые также выделяют разные причины изменения семьи, семейных функций. Так, Огборн полагает, что на эти процессы влияют сугубо технологические факторы, Парсонс считает, что причина в дезинтеграции структур родства, Циммерман видит кризис западной цивилизации, включающий индустриализацию и урбанизацию [2, с. 128–129].

На сегодня мы видим изменение не только функций, но и форм семьи, в частности, наблюдается рост официально незарегистрированных союзов почти во всех развитых странах, что в терминологии Э. Берджесса выражено как переход от «семьи-института» к «семье-товариществу» (или супружеству-партнерству).

В работе Э. Гидденса «Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» четко прослеживается особенность современных отношений: близкие отношения (сексуальные, любовные, брачные, дружеские и даже родственные) претерпели глубинные изменения. Они превратились из социального института в инструмент эмоциональной самореализации индивида. Оба пола сегодня принуждаются к фундаментальным изменениям своих взглядов и поведения в отношении друг друга. По мнению Гидденса, близкие отношения все больше освобождаются от навязанных извне правил, норм и ролевых предписаний; они все чаще регулируются исключительно эмоциональным поведением, соображениями личностного удовольствия, удовлетворения и самораскрытия. Гидденс описывает

социальное значение этих изменений с помощью трех понятий: пластичная сексуальность («пластичная сексуальность — это децентрализованная сексуальность, освобожденная от репродуктивных потребностей» [5, с. 21]), чистые отношения» (то есть, это отношения ради самих отношений «ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим; и которые продолжается лишь до тех пор, пока обе стороны думают, что они каждому из индивидов доставляют достаточно удовлетворения, чтобы оставаться в их рамках. Для большинства сексуально «нормальной» популяции любовь обычно связана с сексуальностью через брак; но теперь двое все в большей и большей степени оказываются связанными через чистые отношения» [5, с. 49]) и любовь-слияние, которая подразумевает взаимную открытость себя другому и открытость будущему.

Происходящие изменения укладываются в теорию демографического перехода, основоположниками которой являются У. Томпсон (1929 г.), А. Ландри (1933 г.), К. Дэвис (1945 г.), Ф. Ноутстейн (1953 г.), В. де Каа и Р. Лестег (последние двое — авторы концепции второго демографического перехода, 1986 г.). Суть теории заключается в постепенном замещении экстенсивного типа воспроизводства населения интенсивным, то есть, переходом от высокого уровня рождаемости и смертности к низкому уровню данных демографических показателей.

В отечественной литературе концепция демографического перехода получила развитие в трудах А. Г. Вишневого, Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, С. В. Захарова. Согласно теории второго демографического перехода (ВДП/SDT) «[сейчас] все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства. Растущие доходы, экономическая и политическая защищенность, предлагаемые демократическими государствами всеобщего благосостояния своим гражданам, обусловили сдвиги в направлении образа жизни, при котором индивидуальные сексуальные предпочтения принимаются такими, какие они есть, а решения о совмест-

ной жизни, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности остаются на усмотрение индивидуумов и семейных пар» [10].

О серьезных изменениях в семейно-брачной сфере говорит и Т. А. Гурко, отмечая, что на сегодня брак и супружество представляют в большей мере эмоциональную, психологическую ценность. Кроме того, исследователь отмечает, что в обществе потребления работодатели не заинтересованы в работниках с семейными обязанностями, а рынок услуг нуждается в увеличении числа домохозяйств-потребителей, а не семей. Для определенной части населения профессиональная и личностная самореализация становятся более важными, нежели семья [7, с. 10–11].

В семейных отношениях происходит акцентирование индивидуализма партнеров и даже, в некоторой степени, эгоизма. «Независимость эгоцентрических индивидов делает семью не сплоченной группой, а конгломератом конфликтующих одиночек. Фамилизм как отождествление себя с семьей и с ее интересами уступает место иным ценностям, семейный образ жизни перестает быть привлекательным, в век Я-поколений на первое место выходит индивид, а не семья» [12, с. 95].

Согласно А. И. Антонову, существует две современные научные парадигмы: «либерально-прогрессистская», утверждающая возникновение на обломках старой, традиционалистской семьи новых альтернативных семейных структур, и «консервативно-кризисная», предупреждающая о возможности исчезновения семейного образа жизни, как такового, и необходимости в связи с этим укрепления семейных основ бытия [1, с. 53].

По мнению многих исследователей, в частности А. Г. Вишневого, современные трансформации институтов семьи и родительства вписаны в глобальный контекст процесса модернизации. Данный процесс привел не только к изменению качества жизни, но и к росту трудовой активности, к необходимости самореализации в профессиональной сфере. Все это ставит женщину перед выбором: с одной стороны — желание реализовать свое женское начало в семье и детях, которое требует значительных временных и трудовых инвестиций; с другой — желание достижения социальной успешности и индивидуального роста. Итогом этого дисбаланса стали усу-

губление нуклеаризации семьи, отложенное родительство, рост разводов, бинуклеарные семьи (состоящие из разведенных супругов и их новых семей с общим ребенком или детьми, в результате чего у ребенка оказывается два родных и два неродных родителя, между которыми поддерживаются отношения), повышение уровня внебрачных рождений [4; 9; 11; 13].

Новое брачно-репродуктивное поведение привлекло внимание семейных исследователей, которые заявили об отклонении от традиционных представлений о браке со всеми его социальными и правовыми последствиями. Возник вопрос: может ли рост числа незарегистрированных союзов и рождений детей в пределах сожительства указывать на то, что институт брака становится все менее важным, а сожительство теперь функционирует как форма стабильных отношений, в которых возможно воспитать детей? В частности, под руководством исследователя Бриенны Перелли-Харис [22] были изучены женские жизненные пути и история рождаемости в брачных союзах с 1970-х гг. в одиннадцати странах Европы. Исследователь попыталась выяснить вероятность регистрации брака или распада союза среди сожительствающих пар, в которых женщины забеременели, а также на какой стадии отношений пара регистрирует свой брак. Эта ранее неисследованная область оказалась важной для понимания природы сожительства и роли детей в рамках этих отношений. Рассмотрев сожительства, Перелли-Харис разделила их по моменту регистрации брака и фактору внебрачной рождаемости на три типа: 1) сожительствающие пары, которые официально заключают брак перед первой беременностью; 2) пары, проживавшие некоторое время совместно, зарегистрировавшие брак во время первой беременности или сразу после рождения ребенка; 3) пары, которые живут в незарегистрированном браке по истечении трех лет после рождения ребенка. Исследование показало, что практически во всех странах в течение долгого времени увеличивался процент женщин, которые все еще сожительствовали во время беременности. В Норвегии, Австрии, Франции, восточной Германии больше чем 50% женщин, родивших первого ребенка в официальном браке, сожительствовали во вре-

мя беременности; немного менее 50% таких женщин в России, Болгарии и западной Германии. В Нидерландах и Великобритании, проценты несколько ниже: только одна треть женщин все еще сожительствовала во время первой беременности. Наиболее низкие показатели в Венгрии (28%), Румынии (18%), Италии (10%). Во всех изученных странах, однако, менее 40% женщин остались в сожительстве спустя 3 года после рождения первого ребенка — это говорит о том, что брак все-таки остается преобладающим институтом для воспитания детей. Данные результаты показывают, что сожительство все еще расценивается большинством как временная форма союза, по крайней мере, когда вопрос касается рождения ребенка.

Что касается России, то, согласно результатам исследования, в последние годы более чем половина женщин заключала брак до беременности; 40% пар сожительствовали во время беременности, и только 18% остались в незарегистрированном союзе во время рождения. Но в России самый высокий процент женщин, которые расторгают свои сожительствающие союзы: в период 1995–2004 гг. более чем четверть женщин, забеременевших в пределах сожительства, разошлись со своим партнером в течение 3 лет. Очевидно, этот образец поведения начал появляться несколько десятилетий назад. Так, в 1975–1984 гг. около 15% сожительствающих союзов, в которых женщина ожидала ребенка, распались в течение 3 лет. Данная тенденция сохраняется, вероятно, из-за увеличения числа незапланированных беременностей в нестабильных отношениях и совместима с доказательствами того, что добрачная беременность увеличивает риск распада такого союза [17]. Вынужденные браки «вдогонку» еще распространены в России (до 70% сожеств перешедших в статус зарегистрированного брака во время беременности женщины).

Однако, в целом, уже нет четкого следования жизненного пути по сценарию «заключение брака — рождение ребенка». Все чаще и чаще пары входят в союзы-сожительства вместо прямого бракосочетания сразу после начала отношений. Такая форма, по мнению различных исследователей, дает возможность паре объединить экономические ресурсы обоих, и предполагает удобство совмест-

ной жизни в общем доме (квартире) [23; 24]. Для многих сожительство — эксперимент, способ узнать партнера, выяснить способность двоих к долгосрочным отношениям [23]. Пары могут предпочесть сожительство браку, если они испытали неудавшиеся отношения в прошлом [27] или произошел развод родителей [25]. Много исследований показало, что образование [15; 26], занятость [18; 20], экономические ресурсы [16; 28] связаны с типом союза, но то, как конкретно проявляется эта зависимость, может в значительной степени зависеть от условий (например, от законодательства) в определенной стране.

Теперь в большинстве стран правовой статус союза родителей не важен для определения прав ребенка, например, таких как получение наследства, хотя наличие брака может быть полезно для установления отцовства и совместной опеки. Таким образом, юридический контекст рождения становится менее важным для побуждения к браку, чем социальные нормы или качество отношений.

Но все же стоит отметить, что в сфере семейной жизнедеятельности, независимо от конкретной мотивировки оценок того или иного автора, внебрачные и альтернативные семьи привлекают к себе внимание, прежде всего, из-за того, что они подозреваются в деструктивном воздействии (либо возможности такого воздействия) на сложившиеся общественные отношения.

Таким образом, мы видим, как на протяжении полутора столетий происходило развитие семейных форм жизни и ценностей, обусловивших изменение не только форм семьи, но и взглядов на внутрисемейные установки, отношения и поведение.

В целом, можно согласиться с взглядами о том, что современная семья претерпела серьезные трансформации, связанные с ростом ценности индивидуализма, личностного развития, акцентирования эмоциональной и сексуальной сторон брака, распространения свободных, ни к чему не обязывающих, «легких» отношений, когда «брак на всю жизнь» не занимает уже прежнего места в социальной жизни. Можно отметить, что происходящие перемены укладываются в рамки процесса демографической модернизации, включающего переход от традиционного общества к современному. И либерализация брачно-

семейных отношений, и изменение форм семьи, с точки зрения автора настоящей статьи, являются частью второго демографического перехода.

Литература

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. — М.: Изд-во МГУ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. — 304 с.
2. Бузова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. — Минск: «Право и экономика», 2010. — 445 с.
3. Вестермарк Е. История брака. / Пер. И. Семенова. — М.: Издание Д. П. Ефимова; Типография Е. Гербек, 1896. — 237 с.
4. Вишневский А. Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости. // Синергетика. Будущее мира и России. / Под ред. Г. Г. Малинецкого. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 71–91.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. — СПб.: «Питер», 2004. — 208 с.
6. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: «Петрополис», 1998. — 273 с.
7. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 176 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. — М.: Издательство «Наука», 1991. — 576 с.
9. Захаров С. В. Какой будет рождаемость в России. // ДемоскопWeekly. — 2012. — №495–496. [Электронный ресурс] / ДемоскопWeekly. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/print.php>, свободный (19.06.2015).
10. Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России: демографический переход. // Отечественные записки. — 2005. — №3. [Электронный ресурс] / Отечественные записки. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod>, свободный (15.06.2015).
11. Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Социальная модернизация России: теория, история, вызовы. // SPERO. Весна – лето 2009. — №10. — С. 11–32.
12. Социология семьи. / Под ред. Анто-

нова А. И. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: «Инфра-М», 2005. — 640 с.

13. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России. // Журнал социальных исследований «Laboratorium». — 2010. — №3. — С. 19–43.

14. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. В 3-х тт. Т. 3. — М.: Политиздат, 1983. — 639 с.

15. Blossfeld H.-P., Huinink J. Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affect the process of family formation. // The American Journal of Sociology. — 1991. — Vol. 97, No. 1. — Pp. 143–168.

16. Bracher M., Santow G. Economic independence and union formation in Sweden. // Population Studies. — 1998. — Vol. 52, No. 3. — Pp. 275–294.

17. Jasilioniene A. Premarital conception and divorce risk in Russia in light of the GGS data. Max Planck Institute for Demographic Research Working Papers. — 2007, Rostock, Germany. [Электронный ресурс] / Max Planck Institute for Demographic Research. — Режим доступа: <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-025.pdf>, свободный (19.06.2015).

18. Liefbroer A. C., Corijn M. Who, what, where, and when? Specifying the impact of educational attainment and labor force participation on family formation. // European Journal of Population. — 1999. — Vol. 15, No. 1. — Pp. 45–75.

19. Ogburn W. F. The changing functions of family. // In: Winch R. F., McGinnes R. and Barringer H. R. (eds.). Selected Studies in Marriage and the Family. Rev., ed. — New York: Holt, Rinehart and Winston, 1962. — Pp. 157–163.

20. Oppenheimer V. K. 2003. Cohabiting and marriage during young men's career-development process. // Demography. — 2003. — Vol. 40, No. 1. — Pp. 127–149.

21. Parsons T. The Stability of the American Family System. // Перепечатана: N. W. Bell and E. F. Vogel (eds.) A Modern Introduction to the Family. — London: The Free Press, 1960. — Pp. 97–102.

22. Perelli-Harris B., Kreyenfeld M., Sigle-Rushton W., Keizer R., Lappégard T., Jasilioniene A., Berghammer C. & Di Giulio P. Changes in union status during the transition to parenthood in eleven European countries, 1970s to early 2000s. // Population Studies: A Journal of Demography. — 2012. — Vol. 66, No. 2. — Pp. 167–182.

23. Seltzer J. A. Families formed outside of marriage. // Journal of Marriage and Family. — 2000. — Vol. 62, No. 4. — Pp. 1247–1268.

24. Smock P. J. Cohabitation in the United States: an appraisal of research themes, findings, and implications. // Annual Review of Sociology. — 2000. — Vol. 26. — Pp. 1–20.

25. Teachman J. D. Childhood living arrangements and the formation of coresidential unions. // Journal of Marriage and Family. — 2003. — Vol. 65, No. 3. — Pp. 507–524.

26. Thornton A., Axinn W. A., Teachman J. D. The influence of school enrolment and accumulation on cohabitation and marriage in early adulthood. // American Sociological Review. — 1995. — Vol. 60, No. 5. — Pp. 762–774.

27. Wu Z., Schimmele C. M. Repartnering after first union disruption. // Journal of Marriage and Family. — 2005. — Vol. 67, No. 1. — Pp. 27–36.

28. Xie Y., Raymo J. M., Goyette K., Thornton A. 2003. Economic potential and entry into marriage and cohabitation. // Demography. — 2003. — Vol. 40, No. 2. — Pp. 351–367.

Зиля Алфировна Вафина — аспирант Института демографии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Zilya Alfirovna Vafina — postgraduate student of the Institute of Demography, National Research University «Higher School of Economics».

143080, Московская обл., Одинцовский р-н, пос. ВНИИССОК, ул. Д. Давыдова, 1/82
1/82 D. Davydova st., 143080, VNISSOK hab., Odintsovskiy ar., Moscow reg., Russia
Тел.: +7 909 625 49 17; e-mail: vafina_z_a@mail.ru
